

Купание белого меня

Независимая газ. 2001 - 21 маяб. - в.р.

Завершен обмен Марининского и Большого театров

Юлия Ведерова

Шероки

Кульминация обычных гастролей Большого и Марининского театров под эгидой "Золотой маски" случилась вообще не там, где ждали. Не в Питере на чудо-Баскове в архаичном "Онегине". И не при взгляде на любимую Гергиевичу постановку прокофьевского "Селена Котко" двухлетней давности, которую в Москве до этих пор не видели, но которая получила море "Золотых масок", собрав превосходную прессу во время прошлых лондонских гастролей театра, и запись которой доминировала на «Громила».

Брак гринул ботусом - перед началом оперного сета Марининки на пресс-конференции Гергиевич начал неожиданно выступить с претензиями в адрес министра культуры Михаила Швыдкого. Собственно, мастер говорил, как всегда, вдохновенно, витиевато и обо всем на свете. Про падение нефтяных котировок и что фракции от Эрмитажничка Зелья хороши необязательно. Что последние лондонские гастроли с вердиевским репертуаром хоронито - как раз не были, а Большой театр не так уж плох, как его делают. И что к питерскому мастеру и его театру визитательно относятся такие люди, как Владимир Путин (зачем-то называлось также Степанин и Примаков).

На собрании говорились странные вещи, вроде: "По какому праву ценой главный дирижер ринует, кому петь?" Или: "По какому праву отел репертуарно планировали решать, что петь?" Или: "Кто и по какому праву не поставил меня на спектакль в ноябре?". Так и выжи: прижму к в своему главному редактору и говорю: "По какому праву"

Постановка не отмечена особо строгим вкусом и провоцирует неприятие, несмотря даже на то что уютнейшим образом (хотя местами более жваело, чем возможно) и хорошо спета (Котко - Виктор Лутюк, Софья - Татьяна Павловская, Ткаченко - Геннадий Беззубенков и мастер - Виктор Черноморцев очаровательно актерски и убедительно

дичь - и там дичь. У Прокофьева божественно, у Александрова - нет. Он действительно не догадался, что "Котко" - просто о росская классическая опера. Но в ее структуре столь изысканный набор крикых звезд, что этого точно никому не доведет. Поиск концепции проблематичен. Александров изобретил бытовых сценариев и символических диалогов, но фанатизировал. Публика разражается, она ждет легких похвалений. Звезд же акватна была бы безупреч: за красотой луганцы. Явность возложена в другом месте. В кулуарах Большого театра, например, очень требовался.

Пока в Большом - движение, у Марининки - стат

ву бы меня..." ну и дальше в том же роде. Очевидно, "старые большевики" надеются легко не заметить новой жизни. Очевидно также, что структура управления, субординация в театре изнутри читается кудрявой. На деле кудрявой была старая система, когда замам признавали реальные решения. Новые схемы и люди выказывают ярость и неадекватность. Старые требуют "хулиганства", имея в виду извлекать высокую власть представителей себя. Николай на собрании молчал, но Александр Воронцов выступил с поддержкой идеи художественно-экспертного совета.

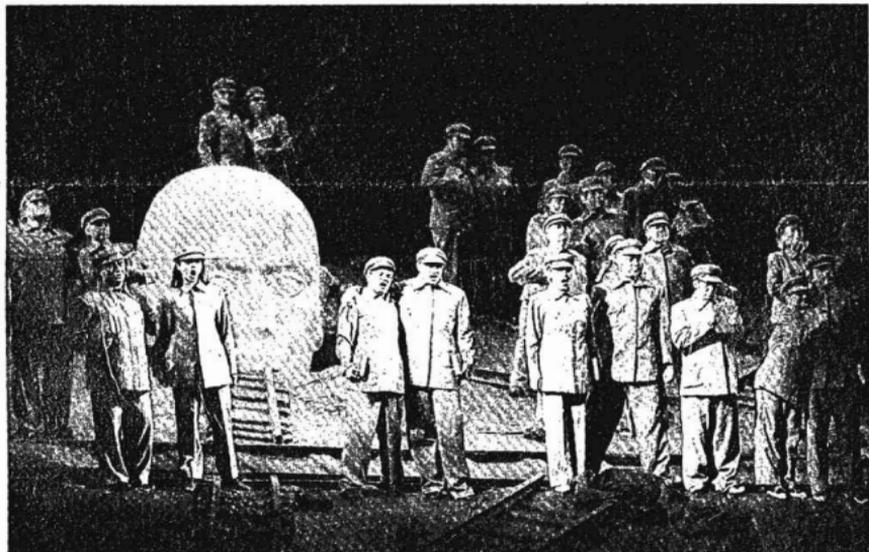
Все в том же, что слыся гергиевских пассажей кроме прочего в том, что от Минкульта просто требуется большая концентрация внимания и, возможно, не мудрить,

вокально). Сцена с ямой (привет Платонову), страсть, серп и молот как жутко движущийся жала (разве что глазами биоцитами никто не вращает), красочнейшие кулуарско-лаповые купание в целлофановом озере, как дурной сон, агултишные гайдамаки, неизвестно чья банка (сценарграфия Семца Пастуха) и вся болю вывороченная режиссерская концепция антуража - вымывают не только сознание, но и улыбки. Солнечные привлекательность к западной моде на антигоготальнание смысловые трансформации, и местному любовию перестроенному пафосу. Но сохранения о том, что раз кулуары гештальта (а она генералка, фантасмагория, волшебства, смешна и страшна), то ставить надо виртуозно, реалистично, - сознательно гораздо больше.

Май Крымова

И об издании балета. Кое-что

Питерские критики с удовольствием сравнивают московский балет с "размывленным лубком" и с Михайловым. Теперь можно сравнить с тем же объектом исполнение Балачина в Марининке. Здесь танцуют оупус мамы давно - и отпосыт к ним как к поседельной рутине. Балет сам по себе замечательный и красивый, и кордебалет - словно стайка потревоженных интелов. Но от подлинного "ангста Бит" - с его системой жестко фиксированных поз, паскаль пронизывающих стремительный танец - у марининских танцовщицкох сохранилась лишь стремительность. Остальное растворилось в вечной

В финале абсурдистского «Иванов» актеры становятся группой.

Швыдкого же получил от Гергиева за Светланова (что не удержал), за Рождественского (что вообще поплад, поскольку тот прекрасный мастер, но сырат и тактик - нылькой) и, главное, за бюджетные назначения к проблеме реконструкции Марининского театра, в то время как до Большого театром приютит теперь ижегса. Собственно, все. Швыдкого на марининские гастроли в Большой дозано, но был, как показалось, великого врача. Расценивать все это как скандал было бы странно. Нормальная публичная полемика. Ни Гергиев, ни Швыдкого публицистически не боится. Гергиев полагает, что, создав великолепную репутацию театру, заслужил поддержку. Швыдкого, думается, явнее Гергиева представляет себе все про падение цен на нефть. Что до Большого, то нам сейчас нужен глаз да глаз, поскольку у театра - явный субтерат со старыми склонностями к геронтофилии. Но начала работать новая, образованная и грамотная команда во главе с Анатолием Ивановым, вводятся европейские технологии, собираются из ничего надежная, репертуарная и кадровая политика. И теперь здесь наиболее адекватной могла бы быть позиция Минкульта "не нырсаи".

Недавно, например, один из двух профколов театра собрал приращение в присутствии Иванова и Александра Воронцова для диалога. Со стороны театра выступили в упорительном жанре "доказе" и смертным хдез хдез как прежде руководство с его конгрессами, противоречивыми КЭОТ, так и новое, которое ждет принятия нового КЭОТ и будет приводить контрасты в соответствие. Впрочем, и оно "старые большевиком" может не понравиться. В Большом - 2600 человек штат, и он непременно будет сокращаться.

И звуки

Пока в Большом - движение, у Марининки - стат, репертуар и труппа. Финал обмена экспрессивно, мастерски и политически тенденциозно вывели Гергиев. Таким примерно образом, что если кто считает его театр европеизмом, а Большой - пусть мелодраматичным, но "национальным достоянием", то вот вам русский классик П. И. Чайковский от Марининки во всех гала-залах и гала-но-звонках.

Сцена из послепавшей Галицины, здесь этого никто не увидит, исполнение было концертным? "Пиковой дамы". С тонкостью и аппетитно элегантно, как гергиевские фракки, вокальным ансамблем (Геннадий Беззубенков, Василий Герелло, раскрасившая "Ирина" - Виктор Лутюк). Целый акт традиционнейшей постановки "Мазепы" с Виктором Черноморцевым, которая сморгится качественным камнем, убедительным своим характером и весом, и придающим брэнду Марининки много могущества. В середине - лазоревая "Серепада" Балачина и его же На-деле "Тчайковский". Весь Чайковский от Марининского театра - совершенной красоты, сверхающий оркестром, без грубости, не без помешанностей и с разбным блеском.

Стратегические движения питерского художка по своему масштабности и ценны, по главному сюжет проекта - марининская версия "Селена Котко". Первая "советская" опера Прокофьева, сочиненная в конце 30-х по повести Катаева "Я сын трудового народа" и потому путающаяся, Москву не обаяла. Билеты продавались вяло. Позиция консервативной Москвы ниц перед сенсационным интересичи концепцизм не пришлоно

Прокофьев делает оголтело ипелсионный театр из воздуха, даже там, где стаей бродят трудовые сыновья. Он монгирует кэаифоридор, сарказм и строгую лирику, кроит феноменальные либретто (Гергиев справляется с ними блистательно) так, что по залу расходисаеют иностранные акцентом: "Элэвэнтайнт Элэвэнтайнт!" А куверта, астетическими и концептуальными парадоксами постановка Юрия Александрова довольно заморышистым образом не противоречит прокофьевской музыкальной фантазмагории. Здесь

связности российского балетного исполнения. И Жанна Ахипова, и Мабя Дузельчико, и Софья Гумерова танцевали в истинно шертенной (по эаисторно) стилистической приращивательности. Диана Винниева периодически заменяла публику, как всегда, больше интересоваля трюки, и когда Игорь Зеленский акцентировал вверх, аполонисметы звучали мучительно. При желании можно победно рапортовать: марининский балет, как всегда, ижегса успех. Вот только какой ритм!